

Свисток разорвал тишину.

Три минуты.

Когда центральный полузащитник соперника пошел в стык, это выглядело как неуправляемый грузовик. Никакого фола, ни свистка, арбитр даже не взглянул. Левую ногу Лу Цзина тяжело прижало к земле, тело перевернулось и с грохотом рухнуло на газон. Боль накатила приливной волной, он стиснул зубы, кадык дернулся, но с губ не сорвалось ни звука.

Трибуны затаили дыхание.

Он не плакал, не кричал и даже не схватился за ногу. Он просто лежал навзничь, устремив взгляд сквозь облака на качающийся прожектор на самой вершине трибуны — семь лет назад точно такой же свет освещал то, как кончик его бутсы в последний раз коснулся мяча, вычерчивая дугу.

Он улыбнулся.

Затем он приподнялся на руках и кое-как встал, хромая, словно одинокий дух, вернувшийся из преисподней. Он согнулся, поднял покотившийся к ногам мяч, подцепил его носком, и тот, подобно проворной птице, легко взмыл вверх, вычертив на газоне знакомую дугу — в точности как его последнее движение перед травмой семь лет назад.

Время словно замерло по нажатию кнопки паузы.

Се Линь стоял за боковой линией, сжимая в руках тактическую планшетку так сильно, что побелели костяшки пальцев, а ногти едва ли не впивались в жесткий картон. Он не двигался, не кричал, не ругался — он лишь безучастно, в упор смотрел на левую ногу Лу Цзина. Шрам тянулся от тазобедренного сустава до самого подколенного сгиба, напоминая рассеченную судьбой и насильно сшитую заново горную трещину. Но прямо посередине этого шрама алела стрела, ослепительно кровавая, направленная точно в сердце.

Линь Е мчался по левому флангу, ложным замахом раскинув двух защитников, и прорвался к самому краю штрафной. Он занес ногу для удара...

Но за секунду до касания резко, грубо отпасовал назад.

Не в свободную зону, не набегающему товарищу по команде, а прямо — в центральный круг, под ноги Лу Цзину.

На стадионе воцарилась мертвая тишина.

Лу Цзин не принял мяч, не остановил его, не ударил.

Он лишь поднял глаза и посмотрел на Се Линя.

В этом взгляде не было ни гнева, ни обиды, ни ожиданий — лишь почти нежная безмятежность.

Он занес ногу и отдал пас в ответ.

Мяч полетел точно за боковую линию, ударился оземь у ног Се Линя, взметнув веер травинок.

Никто не шелохнулся.

Никто не дышал.

Се Линь опустил голову и посмотрел на мяч так, будто перед ним лежала та самая тактическая схема, которую он семь лет назад сжег собственными руками. Пламя поглотило не бумагу — оно поглотило их общую веру.

Он опустился на корточки и поднял мяч.

Без слов.

Шаг за шагом он двинулся к центральному кругу — поступь его была тяжелой, но твердой.

Он остановился перед Лу Цзином, всего в полушаге.

Затем поднял ногу и мягко пнул мяч обратно.

Мяч покатился к ногам Лу Цзина и замер.

На стадионе по-прежнему стояла гробовая тишина.

Но эта тишина звенела громче любых криков.

Впервые в жизни они вдвоем, в статусе игроков, завершили одну общую передачу.

Никакой тактической доски, ни свистка, ни тренерских указаний.

Только две пары глаз, ведущие безмолвный диалог в сгустившемся воздухе.

Старая эмблема команды на груди Се Линя едва заметно теплела — точно такая же, как та, что красовалась на форме Лу Цзина: потертая краска, выцветшие линии, но от нее по-прежнему исходило жгучее тепло.

Лу Цзин улыбнулся, легко-легко, словно ветер, скользнувший по сухим листьям.

Не произнеся ни слова, он развернулся, подхватил мяч и рванул вперед.

Боль в левой ноге следовала по пятам, но шаг его стал еще увереннее и жестче, чем семь лет назад.

Линь Е рванулся вперед, Чэнь Мо сместился в сторону, Ли Чжэн подстраховал сзади — Покаянное построение без каких-либо команд автоматически пришло в движение. Словно зашифрованный в крови и костях код, которому требовалось лишь одно легкое прикосновение, чтобы щелкнул выключатель.

Се Линь стоял на месте, провожая глазами эту фигуру, рассекающую темноту, словно лезвие ножа.

Он вдруг вспомнил, как семь лет назад в раздевалке рвал на клочки тактические схемы, а Лу Цзин стоял на пороге и тихо говорил: Ты сжигаешь не чертежи, ты сжигаешь то, что не осмеливаешься мне верить.

Тогда он думал, что, сломав тому хребет, сможет его уберечь.

Но теперь он наконец понял...

Сломался он сам.

Мяч послушно скользил у ног Лу Цзина, словно играющий дракон.

Защитники соперника бросились наперерез, но он коротким ложным замахом развернулся и прибавил скорость.

Губы Се Линя шевельнулись, беззвучно изрекая одно единственное слово: Обратная тройная связка.

Этот фирменный прием он когда-то лично вбил Лу Цзину в голову, когда ругал за излишнюю дикость на поле.

Мяч описал причудливую дугу, миновал троих преследователей и влетел точно в мертвую зону ворот.

Вратарь не успел среагировать.

Мяч затрепетал в сетке.

Один — ноль.

Трибуны взорвались.

А Се Линь не шелохнулся.

Он опустил взгляд на собственное пустое левое плечо — когда-то там красовалась повязка Лу Цзина, а теперь было пусто.

Пока чья-то рука мягко не легла ему на плечо.

Он поднял голову.

Лу Цзин стоял перед ним, потная челка прилипла к бровям, грудь тяжело вздымалась, но сам он улыбался так, будто только что выиграл весь мир.

Ты же сам меня научил, — тихо произнес он. — Я все помню.

Кадык Се Линя дернулся, он хотел что-то сказать, но голос не служался.

Не дожидаясь ответа, Лу Цзин развернулся и зашагал к центру поля.

Он заново натянул капитанскую повязку на левое плечо.

А затем протянул руку Се Линю.

Се Линь замер.

Это была не просьба, не приказ и не прощение.

Это было приглашение.

Возвращайся. Стань моим ядром построения.

Он медленно поднял руку и сжал его ладонь.

Их ладони соприкоснулись, излучая обжигающее тепло.

На этот раз никто не пытался его остановить.

Он сделал шаг и ступил на поле.

Под лучами прожекторов они стояли плечом к плечу, словно призраки из той грозовой ночи семи лет назад, которым так и не суждено было раствориться.

Свисток прозвучал снова.

На этот раз — в их честь.

<http://bllate.org/book/19070/1873138>